

Сергей Шапурко

Водка и алмазы

Глава 1

Тут есть два варианта: или природа любит нас удивлять, или мы любим удивляться природе. Происходит это потому, что либо она, природа, обладает притягательной красотой, либо мы, люди, находим в природе что-то притягательное. Притягательное настолько, что с легкостью направляем стволы выхлопных труб на беззащитную натюрель. И красота ее тает на глазах, как красота сорокалетней женщины, решившей отдать себя в руки безответственному косметологу.

Но места, где безжалостная индустриализация еще не нанесла свой роковой удар, к счастью, остались. Их мы, продвинутые пользователи мегаполисов, практически не встречаем, но они есть. Это подтвердит вам любой турист, особенно, если он не сильно пьян и без гитары.

Итак...

На ветках вековых деревьев лежали огромные охапки снега. Его идеально белый цвет выгодно смотрелся в ярком свете луны. В лесу было тихо — вся живность, в отличие, допустим, от коммунальных служб хорошо и заранее

приготовилась к зиме и теперь отлеживалась в теплых норах и берлогах. Воздух был чист, как слеза младенца.

Неумолимо приближалась полночь.

По загородному заснеженному шоссе неспешно ехал внушительных размеров джип, имеющий максимально черный цвет. За рулем сидел спокойный человек с двумя высшими образованиями. Его короткая стрижка позволяла любоваться маленькими борцовскими ушами. Он уверенно держал руль крупными крестьянскими руками и пытался подпевать оперным певцам, которых транслировали по радио.

У бизнесмена Анатолия Петровича Молоткова, который, собственно говоря, и держал в руках руль дорогого автомобиля, дела в последнее время шли из рук вон плохо. И он решил обратиться к Богу. Был январь, Крещение, и обращаться к Богу следовало через крайне неприятную процедуру купания в проруби. Молотков не верил ни в непорочность зачатия, ни в Воскрешение, ни в прочие важнейшие постулаты религии. Более того — он не верил во Всевышнего. Но обстоятельства складывались так, что недавние провалы всех его бизнес-начинаний можно было объяснить только чем-нибудь сверхъестественным. И бороться с невезением следовало также чем-нибудь нетривиальным.

Анатолию Петровичу шел тридцатый год — лучший период жизни по признанию большинства мужчин. Он был богат, имел хорошее образование и приличные манеры. Не имел жены и детей, поскольку рассматривал брак, как нецелесообразное использование средств. С женщинами он встречался больше по стечению обстоятельств, а не следуя внутренней необходимости. После этих свиданий, коротких и сумбурных, у него оставалось легкое чувство стыда, как после вырванной из дневника страницы с двойкой в далекие школьные годы.

Автомобиль неспешно пробивался сквозь хлопья падающего снега к своей цели — к скованному льдом загородному озеру, в котором загодя уже были выдолблены несколько прорубей.

В давние времена, еще при царе, в России с религией все было более-менее понятно. Рождаясь, человек уже оказывался окруженный религиозными сородичами, и какой-либо альтернативы у него практически не было. Вековые традиции давили на индивида и определяли правила игры. Потом царя скинули, храмы разрушили и придумали новую веру. Она была вроде бы правильная и прогрессивная, но как-то не прижилась. В современной же России мы можем наблюдать повальное увлечение православием. Но это нынешнее вхождение в веру уже не то, что было

ранее. В настоящий момент «новых христиан» больше волнуют внешние составляющие: архитектура церквей и внутренняя атрибутика, строгость одежды служителей культа, ритуалы, замысловатый и певучий язык проповедей. Но это такая же вера, как детские песочные куличики — еда. Подобная религия, понятное дело, есть фикция и обман. Если и дальше все пойдет такими же темпами, то не за горами то время, когда у церкви появятся свои бизнес-планы, свой департамент маркетинга и свои «звезды». И «стадо», углубляя моду, начнет задавать темп «пастухам» — как мы знаем, спрос определяет предложение.

Свет фар выхватил из темноты стоящего на обочине человека. Тот так усиленно махал руками, как-будто собирался взлететь. Одет он был в кожаную куртку не по сезону и замысловатого покроя джинсы. На его ногах были легкие туфли, на голове — мексиканское сомбреро.

Джип остановился. Дверь открылась, и на переднее сидение незамедлительно пристроился парень. Он был худой и высокий, как корабельная мачта. Нос его, длинный и острый, напоминал клюв дятла. Большие глаза, которыми он с удивлением смотрел на окружающий мир, были непонятного цвета, но веселые. Его хирургические руки были красные от легкого мороза. Ему было, как и большинству его сверстников, двадцать девять лет.

Настроение у Молоткова было не очень чтобы, но забавный вид молодого человека его развеселил.

— Добро пожаловать на борт. Рад... — слегка иронично начал было бизнесмен.

Человек в сомбреро посмотрел на него, как смотрит кошка на заигравшегося котенка, и Анатолий осекся.

— Ну, чего, собственно говоря, стоим? Поехали, — вполне уверенным тоном сказал пассажир.

— И куда же вам?

— Как минимум, прямо.

Машина, впиваясь шипами в наст, уверенно взяла старт и продолжила движение.

— Простите, а как ваше имя? — поинтересовался Молотков.

Пассажир задумался.

— Я задал слишком сложный вопрос? — с кажущимся сожалением и допустимой долей сарказма спросил Анатолий.

— Да, непростой. Но я отвечу. Прославленный Бездельник, Замечательный Лентяй, Всемирноизвестный Лодырь. Можете выбрать на свой вкус. Но мне больше нравится «Праздный Жизнелюб».

— По мне так это больше похоже на клички североамериканских индейцев. А в паспорте у вас

что написано?

— Глупости всякие, которые никак не отражают мой внутренний мир.

Анатолий нажал на тормоз.

— Мне представляется невозможным ехать вместе с человеком, которого я вынужден называть Замечательный Бездельник.

— Дима Зулейкин, — легко и непринужденно сообщил пассажир, взяв в расчет новые обстоятельства.

Джип двинулся дальше. В салоне автомобиля дезодорант распространял запах «Тропикано». Пахло приятно, но с жарким поясом земли ассоциации не возникало.

Анатолий включил кнопку небольшого чайника, находящегося возле водительского кресла.

— Чаю не желаете? — спросил он гостеприимным тоном. Ехал Анатолий уже долго — хотелось общения.

— Пить чай, это то же самое, что пить пот индийского крестьянина, вынужденного трудиться на плантациях от рассвета до заката.

«Эка во!» — вздернув брови, подумал Молотков.

— Как же вам согреться? — вполне спокойным тоном спросил бизнесмен.

— Я не замерз, — уверенно ответил Дима.

— Но мороз... а вы легко одеты...

— Я не признаю мороз как природное явление.

Анатолий имел весьма малый опыт общения с чудаками — в мире бизнеса их уже не осталось, в отличие, допустим, от 90-х годов. С другими категориями граждан он общался мало — только по необходимости.

Не имея четкой концепции продолжения разговора, Молотков замолчал.

Повисла тишина, и в салоне стало уныло, как на проповеди. Но ненадолго. Дима вытащил из кармана куртки большую редиску и стал шумно ее есть. Жевал корнеплод Зулейкин настолько смачно, что у Молоткова, помимо воли, выделилась слюна. Когда осталось меньше половины, он протянул ее Молоткову и спросил:

— Будете?

Анатолий обиделся и ответил весьма сухо:

— Сыт.

— Кто ссыт?! — вскрикнул Дима. Он даже попробовал подняться с кресла, но уперся сомбреро в потолок.

— Я не хочу есть, — четко отделяя паузой каждое слово, уточнил бизнесмен.

— А-а-а!

Луна скакала по голым кронам деревьев. Ее матовый свет покрывал обширные пространства и превращал обыкновенный лес в сказочный.

— Какова область применения ваших сил? — миролюбиво спросил Анатолий.

— Я — взрослый лев.

— Простите?...

— Взрослому льву требуется каждый день двадцать часов на отдых.

— А на нормальную, социально обоснованную работу устроиться не пробовали?

— Меня не взяли.

— Отчего же?

— Из-за анкеты. В графе «О себе» я написал, что являюсь биологическим преобразователем солнечной энергии.

Помолчав не более минуты, Дима задал свой вопрос:

— А вы, собственно говоря, по каким делам направляетесь? Тут в округе, вроде бы, бирж и банков нет.

— Решил вот в проруби искупаться... Крещение... — не совсем уверенно ответил Анатолий.

— Причаститься вдруг надумали? — спросил Дима. Он снял сомбреро, под которым оказались темные прямые волосы. Было очевидно — в парикмахерскую он захаживал редко.

— Надо же когда-нибудь начинать, — серьезно ответил Анатолий.

— Я вот, знаете, тоже. В первый раз, — слегка

даже стесняясь, сообщил Зулейкин.

Молотков без надобности потрогал тумблер автомагнитолы и улыбнулся — напряжение спало.

— Из каких соображений, позвольте узнать? — спросил он.

— Из физических, физиологических и химических, — без промедления ответил Зулейкин.

— Но, позвольте, а как же духовная составляющая? — с удивлением спросил бизнесмен.

— Это уже если жив останусь.

Невдалеке показалось деревня. Сразу же за ней и находилось озеро — цель обоих путешественников.

— А почему ты пешком шел? — продолжил беседу Молотков, запросто перейдя на «ты».

— Нет у меня машины, — ответил Дима и, упреждая следующий вопрос, добавил:

— Из идейных соображений.

Анатолий вопросительно посмотрел на Зулейкина.

— Машины бесплатно не раздают. Даже не знаю почему так повелось, — с искренним сожалением сказал пассажир.

— Так купите. По мне так ездить в автомобиле очень удобно.

— Не могу этого сделать, потому что у меня денег, как волк наплакал.

— Такого же выражения нет.

— Вот и денег тоже нет.

Молотков еще более вопросительно посмотрел на попутчика.

Зулейкин решил прекратить разговор. Его актерской нервной системе потребовался отдых. Он прикрыл глаза и замер якобы в полудреме. Наличие бесшабашности позволяло ему легко переносить отсутствие всего остального.

Работы и постоянного занятия Дима никогда не имел потому, что у него была острая неприязнь к любому виду труда. Все рода созидательной деятельности не укладывались в тонкое психологическое устройство его натуры. Он очень четко понимал, что находится на этом свете вовсе не для того, чтобы водить автобусы, ковырять киркой асфальт или протирать штаны у монитора. А для какой собственно цели, он не знал. Хотя и догадывался...

«Когда нет физической усталости, и ум работает продуктивнее», — говаривал он. Если ему возражали и пытались учить жизни, он доставал свой козырь: «Весь мир летит в тартарары, и я не намерен омрачать свои последние дни работой».

Вся страна, обезумев, рвалась к заоблачным далям благосостояния, и лишь Дима никуда не торопился. У него были свои представления о смысле и об удовольствиях. Немало лентяев было и

до Димы. Диоген большую часть жизни провел в бочке, не утруждая себя поденным трудом. Основа времяпровождения Черчилля состояла из сидения в кресле с рюмкой коньяка в руке и кубинской сигарой во рту. Дотянуться до пепельницы он считал чрезмерным трудом и стряхивал пепел прямо на свои брюки. Даже борец за счастье трудящихся Карл Маркс за всю свою жизнь проработал лишь пару месяцев в какой-то газетенке. Все остальное время он вполне комфортно жил за счет другого лентяя Фридриха Энгельса, у которого была фабрика. Масштаб Диминой личности был помельче, но в лени он вполне мог бы посоревноваться и с великими.

Бизнесмен лихо остановил джип на самом краю крутого берега. Дима и Анатолий вышли из машины. В свете луны блестел лед. Прямо рядом с берегом виднелась иордань — прорубь, вырубленная в виде креста.

— Холодно, — грустно произнес бизнесмен. Сейчас ему идея с купанием не казалась такой уж безупречной.

Дима молча стал раздеваться и класть одежду в машину. Анатолий, поежившись, последовал его примеру.

До полуночи оставалось несколько минут. В полной тишине оба абсолютно голых мужчины спустились к озеру и подошли к проруби.

— Кто первый? — спросил Молотков.

— А это принципиально?

— По мне, так — вполне.

— Ну, не знаю. Лучше — ты первый, — стуча зубами, произнес Дима.

— Чем же это лучше?!

— Да всем!

С ели, стоящей на берегу озера, под собственной тяжестью сорвался крупный ком снега. Он упал на капот джипа. Машина, стоящая передними колесами на склоне, слегка подалась вперед и медленно, но верно, начала движение вниз.

Толик, не сразу, но понял суть происходящего. Громко произнося не тонко выверенные в этическом плане выражения, он бросился к джипу.

Дима, наблюдая за картиной развивающегося действия, настолько увлекся, что даже позабыл о морозе.

Автомобиль же успел до соприкосновения со льдом набрать приличную скорость. Благодаря этому, он легко пробил прозрачный панцирь и полностью ушел под воду.

Молотков метался по берегу, голый и злой, как командировочный, потерявший документы на нудистском пляже.

Джипа не было видно. Из широкой полыньи

активно вырывались наверх огромные пузыри.

К Толику подбежал Зулейкин и не к месту сказал:

— Денег у тебя, как я понимаю, страусы не склюют. Ну и купил бы себе какой-нибудь амулет на удачу.

— Я заказал, а они на складе закончились, — мрачно ответил Молотков.

— Давай в деревню! При желании мы сможем добраться до тепла. Но желание при этом должно быть достаточно большим, — заорал Дима.

— Ты же не признаешь мороз, — со спокойствием обреченного произнес Толик. Он выглядел, как капитан судна, разбившегося о скалы.

— Не признаю. Но только не в настоящий момент!

По проселочной дороге неслись двое голых мужчин. Их спины и пятки блестели в свете луны. Мороз крепчал, но до деревни было близко — шансы сохранялись.

— Можешь не переживать: между холодным и горячим воздухом нет никакой разницы, кроме температуры, — прокричал Дима.

— Ну, прямо сразу полегчало, — зло сказал Толик.

Так глубоко солоноватый вкус жизни он еще не ощущал.

Глава 2

Дочь главного агронома колхоза «Революционные зори» не была красавицей. Но она была дочерью главного агронома, который был настолько хорошим специалистом, что ячмень у него рос прямо на глазах. Благодаря папиному посту, собственного говоря, она считалась-таки красавицей и была самой завидной невестой в этом поселении.

Родители девушки при ее рождении, не понятно по какой причине, решили пооригинальничать — они нарекли ее «Магнолией». Этот опрометчивый шаг, безусловно, подпортил девчужке только начинающий складываться ее быт. С того момента, как сверстники осознали, что издеваться над однокашниками — это здорово, у Магнолии начались проблемы. Как только ее не дразнили! И «Магнитный полюс», и «Монополия», и «Монголия», и даже, почему-то, «Копперфильд».

В старших классах жизнь Магнолии наладилась. Когда отец стал покупать ей дорогие наряды и подвозить в школу на служебной «Волге», имя перестало играть какую-либо роль. Деревенские парни, несмотря на врожденный нескорый ум, быстро сообразили, какие открываются перспективы от близкой дружбы с

Магнолией.

Неожиданно обретя широкий выбор, парня себе Магнолия присматривала долго. Лишь ближе к завершению школьной поры она окончательно определилась — ее избранником стал Иван, сын тракториста Чернобокова. Он был ряб лицом, невысок ростом и имел весьма смутное представление о гигиене. Однако у него были, подаренные отцом, часы «Ракета» в золотом корпусе, и он мог очень грозно прищуривать глаза, когда кричал «Долго я тебя еще ждать буду?!» К тому же он был знаменит на всю деревню. Во время летних каникул после 9-го класса он работал в колхозе. Будучи комбайнером, Иван на спор выпил бутылку водки без закуски и перешел в другое измерение. Затем, сбившись с курса и пробив стену дома доярки Валентины, въехал к ней на кухню. Тем самым он превратил обычный комбайн в кухонный. Валентина была на девятом месяце и находилась как раз на кухне. Не в силах преодолеть эмоциональное потрясение, вызванное неожиданным появлением комбайна, она родила. Вся деревня потом говорила, что появившийся на свет младенец «от Ивана». Косвенно это было так. Муж Валентины, глубоко задетый глупой молвой, горячился и даже пару раз побил Ивана.

По поводу углубления отношений с агрономской дочкой Иван долго не сомневался.

Несмотря на молодость, он понимал, что гоняться за счастьем нет необходимости — нужно просто броситься ему под колеса. Магнолия знала, что Иван — согласный, но для полной уверенности привела пьяного сына тракториста к себе домой. Молодой Чернобоков сидел с агрономской дочкой на ее кухне и с удовольствием пил вино при свечах. Вдруг, раз, и зажегся свет, вбежали родители Магнолии, стали обнимать парня, поздравлять и заставили целовать икону.

Родители, ввиду молодости сложившейся пары, со свадьбой тянуть не стали — в Крещение и решили погулять.

Народу, как и ожидалось, пришло много.

После регистрации в сельсовете все сели за праздничный стол, накрытый в доме главного агронома. Закуски и основные блюда имелись в изобилии. Но все они были не местного происхождения, а закупались в городских супермаркетах. Огороды жителей «Революционных зорь» за последнее время поросли бурьяном, хлева покосились, крыши скотных дворов прохудились. Заниматься землей и скотом деревенские жители уже не желали. Они нашли себе работу в ближайших городах. Теперь они таскали чужие сумки на вокзалах, мели городские улицы, клали асфальт и сажали цветы в скверах других, более крупных, населенных пунктов. Создавая комфорт

чужим, абсолютно незнакомым им людям, деревенский народец обеспечивал и себе сносное денежное обеспечение.

К полуночи торжество было в самом разгаре. Жених с невестой сидели, как и положено, во главе стола. Они уже были усталые и злые. Невеста сняла надоевшую ей фату. Ее круглое лицо с крупным носом, пухлыми губами и маленькими злыми глазами вполне можно было бы разместить на плакате «Не ходите, девки, замуж!»

Жених был сильно пьян. Он с удивлением рассматривал окружающее пространство. Лица гостей расплылись у него до цветных пятен. Свадебный стол представлялся ему мостом, по которому ему было необходимо куда-то пройти. Он даже несколько раз попытался это осуществить. Но его вовремя ловили и усаживали на место.

— А какой у него склад ума? — спросила у Магнолии сидящая с ней рядом мать.

Она была заведующей деревенским клубом. Зятя своего она знала плохо и очень хотела его изучить. Для того, чтобы в последствии им эффективно манипулировать.

— Какой там склад?! Да у него этот склад постоянно на переучет закрыт! С этого склада ему ничего не выдают! — огрызнулась невеста. Вид пьяного Ивана не сильно оправдал ее девичьи мечты о нежном и заботливом муже.

— А как он в школе учился? — не унималась мать.

— В первую смену.

Иван налил себе полный стакан водки и медленно его выпил.

— Из рюмки пей! — вскипела новобрачная.

— Жизнь слишком коротка — пить из мелкой посуды не буду!

Свадьба давно уже перевалила свой экватор. «Горько!» уже не кричали, а просто пили спиртное и вели беседы на повышенных тонах. Остро пахло самогоном и приближающейся дракой.

За дальним краем стола сидели приглашенные из соседней деревни гости: конюх Петр и его жена Нюра. Они вели себя степенно. Петр, после того, как прошлой весной, будучи сильно нетрезв, сжег амбар, не пил. Отчего и был тих. Нюра же была очень застенчива и прятала это свое качество за маской гордости. Они чинно беседовали с сельским сторожем и пили чай с малиновым вареньем.

— А правду говорят, что у вас подпасок миллион рублей в лотерею выиграл? — тягучим голосом спросил у сторожа Петр.

— Конечно, правда, — ответил тот. Он говорил так быстро, как будто доказывал в отделении полиции свое алиби и боялся упустить детали.

Наполнив рюмку и выпив, он продолжил:

— Но не подпасок, а главбух... И не миллион, а полтора.

Закусив огурцом, сторож добавил:

— И не в лотерею, а в рулетку... И не выиграл, а проиграл.

Шумно вздохнув, он закончил:

— И не свои деньги, а колхозные. И не на воле он теперь, а за решеткой...

Звон рюмок и бокалов напоминал звон шпаг. И если кому-нибудь вздумалось бы закрыть глаза, то, при достаточно развитом воображении, вполне могли бы возникнуть фрагменты из фильма «Три мушкетера» с усатым Боярским в главной роли.

Местная докторша Евдокия Сергеевна была дама, так сказать, с историей. Она пила мало, а вот разговаривала много. Причем только на одну, весьма близкую ей, тему.

— Как? Как мне Андрея вернуть? — в который раз стенала она, обращаясь к обществу в целом.

— Вполне возможно. Но только если не прошло двух недель, и чек сохранился, — подсказала заведующая сельским магазином.

Несколько мужчин стояли возле окна и курили, безуспешно стараясь выпускать дым в открытую форточку.

Они внимательно слушали рассказы бывшего конюха Лихорадкина. Все его байки начинались

одной и той же фразой:

— Несут меня, помнится, пьяного домой...

Жених, хорошо принявший на грудь, задремал. Но его тут же разбудили такие же пьяные друзья. По молодости лет, они плохо контролировали свое поведение. Пили очень много, поскольку никто не запрещал — праздник же как-никак.

— Ваня, не спи — ты на свадьбе!

— На чьей свадьбе?!

— На своей свадьбе. Женился ты!

— Кто женился? Я женился?!

— Ты!

— А невеста кто?

— Вот же сидит!

Иван встрепенулся, огляделся вокруг. Хмель из головы можно было бы вытряхнуть, но было жалко.

— А как ее зовут? — шепотом спросил он у друзей.

— То ли Маша, то ли Даша, — неуверенно ответили ему пьяные друзья.

Жених закатил глаза и с хрипотцой в голосе произнес:

— Толи... Толи... Толик?!!

Трактористы, сидевшие кучно, легонько толкали своего бригадира и подначивали:

— Скажи тост, Егорыч.

— Не умею я тосты говорить, — отказывался бригадир, приобретший буряковый цвет лица еще после первых рюмок.

— Ну, того, Егорыч, мы тебя просим!

— Сказал же: не буду.

— Егорыч! Всем коллективом требуем!

Бригадир, смущаясь, встал, откашлялся и громко произнес:

— В правлении все воры! Двенадцать коленвалов заказал — только три прислали! Всю материально-техническую часть в утиль растащили! Подонки вы все и сволочи!

Егорыч шумно выпил и, вытерев рукавом губы, сел на стул. Выдохнув, он добавил:

— Предупреждал же — не умею я тосты говорить.

Неожиданно проснулся гармонист. Он тут же продолжил прерванную на час музыкальную программу. Бабы взвизгнули и, толкая друг друга, бросились к танцполу. Туда же устремился зачем-то и кузнец Степан. Он был неповоротлив и неуклюж, танцевал плохо, но, принимая во внимание то, что его вес приближался к ста пятидесяти килограммам, это была уже не его проблема.

Свадьба начала забираться на своей следующий виток. Веселье продолжалось.

В сенях послышался шум. Попадали железные ведра, дико взвыл кот, и что-то большое и тяжелое

гулко ухнуло об пол.

Открылась дверь, и в свадебную залу ввалились два абсолютно голых парня. Из их ноздрей и ртов шел пар. Они тяжело дышали и испуганно вертели головами.

Гармонист перестал играть, и повисла тяжелая тишина.

— Магнолии стриптизеров заказали! Я такое в сериале видела! — крикнула Евдокия Сергеевна.

— А чего они тогда не танцуют? — подозрительно спросила дюярка Матрена.

— Городские! Нас, сельских, испужались! — заливисто прыснул сельский сторож.

Компания громко засмеялась.

— Давай, робяты, наяривай! — не унимался сторож.

— Чего они руки лодочками сделали? Тут штрафные не пробивают, а наливают!

— Танцуй, артисты, раз заплачено!

Из-за стола поднялась мать невесты. Она грозно стукнула кулаком по столу и крикнула:

— Срамота! Это все ты, Ванька, затеял! Опозорить нас хочешь!

Пьяный Иван вскочил со своего места и заорал:

— Измена!

Он забрался на стол и вновь попытался пройти по «мосту», но его в очередной раз поймали

и усадили на место.

Началась кутерьма.

— Вон у того носатого пупок неправильно завязали — грыжа может быть, — со знанием дела произнесла Ольга, учащаяся медтехникума. Она училась на третьем курсе и вид обнаженного мужского тела был уже ей вполне привычен.

— Толик, чую я: валить надо! Как минимум, бить будут! — негромко, но убедительно произнес Дима.

— По мне так лучше станцевать. Тут, хотя бы, тепло, — предложил Молотков.

Подчиняясь обстоятельствам и бросая вызов провинциальным представлениям о границах дозволенного, Зулейкин и Молотков начали совершать различные движения. Эти движения, по их мнению, можно было рассматривать как стриптиз.

Но продолжалось это шоу недолго.

Предложенный танец настолько не походил на профессиональное эротическое выступление, что даже неподготовленный деревенский зритель уловил фальшь.

Докторша Евдокия Сергеевна, в текущий период жизни ненавидящая всех мужчин без разбору, крикнула:

— Они — не настоящие!!!

Иван, чьи мысли с трудом преодолевали

плотный слой алкоголя в мозгу, аж взвизгнул от неизвестно откуда появившейся догадки:

— Это То-ли, То-ли, Толика хахали! Из шкафа!

К «стриптизерам» тут же двинулся с недвусмысленными намерениями кузнец Степан. За ним устремились, сбивая по дороге стулья, друзья жениха.

Танец пришлось прервать. Тела, не скованные одеждой, ловко увернулись от тянувшихся к ним лап деревенских жителей и выскочили в сени.

Несостоявшиеся «моржи» и провалившиеся «стриптизеры» выбежали из хаты. Мороз никуда не исчез, снег тоже. Было по-прежнему холодно и страшно.

Отбежав на приличное расстояние, парни остановились. Погони не было. Свадьбе было уже не до них: пора было переходить к главному действию — к драке.

— Все, кажется, ушли! — радостно проговорил малоопытный в таких делах бизнесмен.

— «Ушли, ушли»... Как колобок, в свое время — до первой лисы, — сказал более реалистично мыслящий Зулейкин.

— А теперь куда? — горестно спросил Анатолий.

— Вон в доме свет горит. Давай туда. — предложил Зулейкин.

— Тускло как-то горит, — с сомнением произнес Толик. Его борцовские уши сияли как два рубина.

Он уже начал понимать, что неприятности сродни салфеткам в пачке — хочешь достать одну, а выскакивает десяток.

Снег обжигал пятки. Парни высоко подбрасывали ноги и слегка подзависали в воздухе. Так, наверное, американские астронавты бегали по поверхности Луны. Ну, или где они там бегали.

Глава 3

— Двадцать лет! Уже двадцать лет продолжается ограбление нашего народа! Он унижен, оборван, голоден. Сытые же капиталисты с презрением взирают на него и все усиливают и усиливают свой гнет.

В большой комнате за столом, застеленном кумачовой скатертью, сидели восемь злых стариков — коммунистический актив колхоза «Революционные зори» в полном составе. Выступал секретарь ячейки Петр Игоревич Причалов, хозяин избы. Электричество ему отключили еще в прошлом году за неуплату и заседать приходилось при тусклом свете коптящей керосиновой лампы. От широких взмахов его рук по стенам бегали тени, напоминающие кадры

кинохроники, запечатлевшие взятие Зимнего дворца.

— Рабочие люди, держащие на своих могучих плечах нашу изнывающую в муках Родину, обездолены и нищи. Они, в буквальном смысле, раздеты...

В этот момент открылась дверь, и в комнату вбежали двое голых мужчин. Их белые тела смотрелись совершенно неестественно в предельно строгой и идеологически выдержанной обстановке собрания.

— Чуваки, спасите! Замерзаем! — крикнул с порога Дима Зулейкин.

Его худое длинное тело мотылялось, как молодое дерево на ветру.

Толик зачарованно смотрел на лежащие кучей на сундуке старые вытертые шубы. Он дрожал так, что на нем было трудно зафиксировать взгляд.

— А вы, собственно, кто? — растягивая от удивления слова, спросил Причалов. При этом взгляд у него был озабоченный, как у человека, только что получившего срочную телеграмму.

Голые не успели ответить.

— Это — челюскинцы! — неожиданно крикнул старый партиец, ныне школьный сторож Иваныч. Всевышнему трудно полностью контролировать ситуацию на подведомственной ему территории. Доказательством тому сам факт

нахождения на белом свете Иваныча.

Злые старики при виде столь странных визитеров оживились. Из глаз ушла вечная ненависть к врагам народа, и появился живой человеческий интерес. Не интерес к голому мужскому телу, а интерес к необычности происходящего. Каждое собрание, проходящее пять раз в неделю, заканчивалось дикими криками и угрозами в адрес преступной клики, то есть нынешнего правительства. И после — массовым питием валерьянки. Сегодня же что-то явно пошло не так.

— В беду попали, — коротко объяснил Зулейкин, уловив сочувствие во взглядах стариков.

Секретарь ячейки как будто только этой фразы и ждал. Он выскочил на середину комнаты, выкатил глаза до предела и заорал:

— Полюбуйтесь! Вот! Вот до чего довели демократы наш народ! Люди вынуждены ходить голыми в лютый мороз. А так ли было при народной власти? Да, были трудности. Но советский народ ни-ког-да не ходил голым! Даже находясь на пляже, он надевал плавки.

Старики закивали, как китайские болванчики во время землетрясения.

Толик, понимая, что пропагандой не согреешься, проявил разумную инициативу. Он подошел к столу и взял с него кружку с еще

горячим чаем. Напиток оказался прелым, невкусным, без сахара, но это было неважно. Выпив кружку почти залпом, Молотков блаженно улыбнулся — у него потеплело внутри.

Зулейкин тоже подошел к столу и последовал примеру товарища. В течение нескольких минут все восемь чашек были выпиты. Старики моргали глазами и одобрительно прицокивали языками — чая им было не жалко.

Речь из Причалова продолжала литься уверенно и гладко, как вино из бутылки.

— Мы предупреждали правительство, что их антинародный курс на повышение цен приведет к разорению трудящихся масс. И что мы видим? Вот, вот вам и доказательство — оно прямо перед нами.

Дима, слегка разомлевший от чая, прервал оратора:

— Ваша в высшей степени экспрессивная речь очень нам понравилась. Прямая логика ваших слов впечатляет. Но позвольте, любезнейший, а можно нам, как минимум, какой-нибудь хоть самой плохонькой одежонки?

— А мне вот без разницы, голый я или одетый, — равнодушным тоном произнес Лизунов.

— Но, тем не менее, вы в одежде, — заметил Зулейкин.

— А какая разница? — парировал партиец.

— Конечно, товарищ. Сейчас что-нибудь вам

соберем, не беспокойтесь. Давайте проголосуем: кто за то, чтобы этим товарищам, доведенным преступным курсом руководства страны до крайней степени нищеты, предоставить посильную помощь? — вещал Причалов.

— Их с льдины сняли! — неожиданно крикнул школьный сторож.

— Иваныч, не впадай в маразм! Давайте голосовать.

Мнения, к немалому удивлению двух голых мужчин, разделились. Поскольку большинство достигнуто не было, пришлось перейти к дебатам.

Образовались три фракции. Два бородатых старика, напоминающие портретных Маркса и Энгельса, выступили за недоверие к неожиданным гостям:

— Час ночи, а они голые по улицам шляются. Не по-рабочему это, не по-крестьянски.

Старики Фермопилов, Гранитный и Кукишев выступали за помощь. Они были добрыми, потому что в брежневские времена успели посидеть в обкоме и, соответственно, много благ через это получить.

— Совсем ведь ничего нету у товарищей, как у Адамов каких-нибудь. Поспособствовать бы надо, — выражая общее мнение «фракции», сказал Гранитный.

Причалов говорил много, но понять его

позицию было трудно. К нему примкнул Лизунов, также не выставляющий явно свое отношение к неожиданным гостям.

Иваныч продолжал нести ахинею про челюскинцев и всем мешал.

— А кто такие «челюскинцы»? — тихо спросил Зулейкин у голого бизнесмена.

— Про «Академика Шокальского» слышал?

— Корабль, который во льдах застрял?

Слышал.

— Так вот, то же самое, только сто лет назад. И помогал весь мир. И не за деньги...

— Да ладно! — недоверчиво воскликнул Зулейкин.

На сундуке в углу комнаты лежал большой черный кот. Он с недоверчивым прищуром смотрел на стариков и изредка переводил взгляд на свою пустую миску. От нахождения в доме партийца он особых выгод в еде не имел. И если бы не мыши, ему вряд ли удалось бы выжить.

— И все-таки, товарищи, время идет, а мы так и не приняли решения. Рабочие голодают в стране, которую мы еще совсем недавно называли своей Родиной. Священное право на труд отняло у них лживое и подлое буржуазное правительство. Капиталисты ежедневно, ежечасно пьют кровь трудящихся, — уже не столь эмоционально, но все же категорично вещал Причалов.

Дима Зулейкин, переминаясь с ноги на ногу и похлопывая по телу ладонями, сказал:

— Мы тут у вас замерзнем, простудимся и умрем. Вот смеху-то будет — погибли на партийном собрании.

— Шубы, хотя бы, накинуть можно? Временно, — спросил Молотков.

— Подождите, товарищи, ваш вопрос решается. Нельзя же быть такими нетерпеливыми! Проявите сознательность, — приструнил бедняг Причалов.

— Я думаю, раз у них нет при себе документов, мы должны послать запрос в соответствующие органы, — предложили, предварительно посоветовавшись, бородачи.

— Это волокита и вредительство! — возражали члены «доброй» фракции. — Надо оказать временную помощь. Самую необходимую.

— Товарищи, товарищи, будьте объективны: самую необходимую мы уже оказали, — сказал Причалов и указал на выпитые чашки чая — Но мы не будем на этом останавливаться — ни один обездоленный не должен оставаться без помощи партийных органов.

Кот спрыгнул с сундука и с презрением обнюхал миску. Затем он залез под стол и без особой надежды стал тереться о ноги партийцев.

— Пусть сами расскажут, кто они такие, —

предложили бородачи.

— Легко! — выкрикнул Зулейкин. — Коротко о себе: молодое мясо, крепкие кости и декалитр горячей крови.

— Как вы можете объяснить возникшую ситуацию? — не унимались «Маркс с Энгельсом».

— Мой папа, будучи механиком военного аэродрома, с помощью пружины от эспандера и поливального шланга случайно сжег пять новейших боевых истребителей. А поскольку я его прямой потомок, мне нет необходимости объяснять свои действия.

— А вы кто такой будете? — обратились бородачи к Молоткову.

— Я лучше пока проявлю сдержанность, — уклончиво ответил Анатолий.

— Может они и по воде ходить умеют? — снова влез неугомонный Иваныч.

— Мы настаиваем на полной проверке этих личностей! — кричали бородачи.

— Надо доверять людям! — возражали «добрые».

— Давайте уже голосовать, — призывал Причалов.

В избе было тепло, но недостаточно для абсолютно голых людей. Толик почувствовал, что у него начали неметь пальцы на руках и ногах. Он подошел ближе к столу и сказал:

— Хватит нам этого цирка! Спасибо за чай! Так же приятно было вас послушать, но все это — не для наших ушей. Мы — не совсем, так сказать, товарищи.

— А...а кто же вы? — спросил Причалов и нехорошо прищурился.

— Я — предприниматель, — ответил Толик. Обычно он гордо произносил эти слова. Сейчас же сказал это тихо, слегка запнувшись.

— А я... — начал было Зулейкин, но ему не дали договорить.

— Как это понимать «предприниматель»?! — зло спросили бородачи.

— Понять это очень просто. Предприниматель — это человек, который занимается предпринимательством, то есть бизнесом, — спокойно ответил Молотков.

— Что?! Капиталисты-кровососы?! Эксплуататоры! — заорал секретарь.

Старики всполошились и опять стали злыми.

— При товарище Сталине вы бы стриптиз в Магадане белым медведям показывали!

— Пригрели пособников! На Соловки!

— Нудисты хреновы! Сволочи бессовестные! Вон отсюда!

Такой резкий поворот был настолько неожиданным для бедолаг, что они оказались не способны к сопротивлению. И злые старики под

предводительством своего секретаря с помощью своих палок и костылей легко выгнали их на мороз.

— Заседайте и дальше, товарищи! Придурки должны держаться вместе! Иначе вы пропадете! — на прощание прокричал Зулейкин.

Но дверь уже захлопнулась, и старики-большевики его не услышали.

Черный кот вылез из-под стола, недовольно поурчал и пошел искать мышей.

Глава 4

Деревня все еще оставалась во власти ночи. Если бы даже кто-то из друзей по несчастью смог повторить подвиг Данко и вырвать собственное сердце, то это мало бы что изменило. Столь слабый «осветительный прибор» не справился бы с кромешной провинциальной темнотой.

Только длинный нос Зулейкина одиноко сиял во мраке. Борцовские уши Молоткова покрылись инеем. Но бежать по морозу на этот раз было почему-то легче.

«Привыкать, что ли, начинаю?» — подумал Анатолий.

— Все не так плохо, как нам кажется, — сказал Зулейкин.

— Ты думаешь?

— Все гораздо хуже! Бегаем тут, буквально

как какие-нибудь пингвины. Но вся штука в том, что мы не пингвины и рано или поздно замерзнем.

— Лучше, конечно, поздно.

— Вон, смотри, окна светятся! И дом большой: наверняка зажиточные люди живут. Они, по моему опыту, добрее. Давай туда, там уж точно не выгонят, — радостно прокричал, сбиваясь дыханием, Дима.

Несмотря на яростные стуки, дверь им открыли не сразу. Но как только появилась полоска света, Зулейкин рванул дверь на себя, и парни, сбив с ног худую, как килька, женщину, ворвались в жилище.

— Действовать надо нагло и тупо. В подавляющем большинстве случаев это приносит успех, — уже в прихожей сказал Молоткову Дима.

Это был дом главы сельской администрации Эдмунда Эрастовича. У него были настолько необычные имя и отчество, что мало кто знал его фамилию. Хотя она была простой и очевидной — Конь.

На полу в прихожей продолжала сидеть ошарашенная от неожиданного визита двух голых мужчин жена главы Люба. В молодости она прошла общежитие строительного техникума, но последние десять лет прожила в деревне и голым видела только своего мужа и то крайне редко. В этой связи зрелище произвело на нее глубокое впечатление.

Анатолий и Дима, воспользовавшись ступором хозяйки, заскочили в зал и завернулись в плотные шторы.

— Женщина, вам беспокоиться нет нужды: мы — не воры, — громко сказал Молотков.

— И, как минимум, не стриптизеры, — добавил Зулейкин.

— Обстоятельства сложились сильно не в нашу пользу.

— У вас неприятности? — с трудом выдавила из себя Люба.

— Но это же очевидно, — с легкой злобой ответил Зулейкин.

— Чай можно у вас попить? — стараясь побыстрее сменить тему, спросил Анатолий.

Последняя простая просьба придала хозяйке динамизм. Она поднялась с пола, отряхнулась, поправила прическу, глянула в зеркало и пошла на кухню.

Два голых мужских тела, чуть подернутые инеем, не вернувшийся вовремя с работы муж, чай, который она зачем-то шла делать на кухню... И до этого хаотичный набор импульсов в голове Любы трудно было назвать умением думать, поэтому нынешнее столь необычное событие полностью парализовало ее головной мозг. Но для приготовления чая ей вполне хватило спинного.

Эдмунд Эрастович возвращался домой очень

поздно и в весьма приподнятом настроении. Он уже полтора месяца загонял в угол придирами молодого специалиста Галю, которая имела несчастье ему понравиться. И вот только сегодня она согласилась сверхурочно поработать с главой наедине в его рабочем кабинете. Жене Конь предварительно позвонил и что-то наплел про выезд в Брюхатинск по неотложным делам.

Войдя в прихожую, он нахмурился, чтобы скрыть счастливый блеск глаз. Вышло это не достоверно и весьма комично.

В это время Люба внесла две чашки с чаем в комнату и поставила их на стол.

На пороге появился Конь.

Люба второй раз за короткий период испытала стресс, но, как могла, взяла себя в руки и голосом, полным нервной хрипотцы, сказала мужу:

— Эдмунд, я хотела бы с тобой поговорить...

Конь от услышанных слов, а еще более от интонации, с которой они были произнесены, сник. Глядя в потолок, он медленно подошел к столу и, шумно вздохнув, изрек:

— Я, может быть, и совершал ошибки, сознаюсь. Но это было так, несерьезно. По-настоящему я всегда любил только тебя.

— Ты это к чему? — искренне удивилась жена.

«Все знает! Донесли! И когда только

успели?!» — запаниковал глава администрации.

У него тут же задергался левый глаз. Такое с ним обычно бывало, когда приезжала областная проверка. Когда же приезжали из федерального округа, то дергался правый глаз. А уж если, не дай Бог, из Москвы, то тогда мимические манипуляции лица Эдмунда Эрастовича приобретали непредсказуемый характер и ставили в тупик членов проверяющих комиссий.

— Переживает человек — вишь как его перекосило! Может, простим на первый раз? — всегда находился проверяющий (обычно это была женщина), который говорил такие вот слова. И это всегда Коня спасало от неминуемого казенного дома.

— Видишь ли, Любовь...

— Ты мне изменял?! — неожиданно дошло до Любы.

На стенах комнаты висели большие вымпелы со множеством значков различной тематики. Эдмунд Эрастович с увлечением занимался коллекционированием. Когда Кони ссорились, кричали и бегали по комнате, то шаталась люстра. Ее лучи бегали по значкам, те переливались множеством огней. Создавалась радостная атмосфера праздника.

— Да, было. Но только три раза.

— Что?!!

— Ой, прости — вспомнил еще конференцию в позапрошлом году — всего девять.

Жена от услышанного потеряла дар речи. Конь, желая переменить тему и оттянуть трагический финал, спросил:

— А для кого чай? Я же кофе пью, ты же знаешь.

Внутри Любы резко поменялся вектор. Гнев на ее лице уступил место заискивающей улыбке.

— Я как-раз таки об этом и хотела с тобой поговорить. Но это уже не важно.

Из-за штор вышли притихшие на время семейной ссоры Зулейкин и Молотков.

Оба «папанинца», ставшие невольными свидетелями внутрисемейного конфликта, лишний раз порадовались своему нынешнему холостому состоянию.

От неожиданного вида двух голых мужчин в своем доме у Эдмунда Эрастовича появилась сухость во рту и слабость в ногах. Он присел на ближайший стул и тихо, но зло, произнес:

— Любка, гадина! Я же только на несколько часов задержался, а твоих любовников полон дом. Ты уважение к главе имеешь или ты, сука, в оппозиции?

— Это не мои любовники, — с хорошо уловимой разочарованностью в голосе произнесла жена главы.

— А чьи? Мои, что ли?

— Не знаю. Чужие какие-то.

Неестественно улыбаясь, Люба принялась рассказывать:

— Слышу, значит, стучат. Открываю. А эти двое, абсолютно голые, в дом залетают. Я и спросить ничего у них не успела. Ха-ха-ха! Представляешь? Смешно же? Ведь да, да?

Конь поерзал на стуле и, зловеще сверкая глазами, ответил:

— Смешно, кто бы спорил. И что мне теперь смеяться, что ли?!

Анатолий, плотно прикрывая своими крестьянскими руками причинное место, приблизился к хозяину дома и сказал:

— Господин, как я понял, глава деревни! Я крупный бизнесмен Молотков. К вашей жене мы не имеем никакого отношения. Извините за вторжение и столь экстравагантный вид — наши вещи утонули в озере вместе с машиной.

— В каком, на хрен, озере?! — взвизгнул Эдмунд Эрастович, вскакивая со стула. — Там же лед! И чего в нем вдруг машины топить, товарищ «крупный бизнесмен»?! Еще и с одеждой? Врете, суки! Любка, где мое ружье?

— Да ты его уже, почитай, год как на ноутбук поменял.

— Ноутбуком всех убью!

— И зачем он тебе только нужен?! Ты же все равно в компьютерах ничего не понимаешь, — все еще надеясь отвести от себя удар, сказала Люба.

— Чтобы не быть лохом! Не отвлекай меня, изменница! Всех поубиваю!!!

— Дядя, ты давай-ка в себя приди, — вмешался, все еще постукивающий зубами, Дима. — Убивать никого не надо. Мы в беду попали — нам помочь надо.

— Помочь? Отчего же не помочь хорошим людям. Бизь-несь-менам! Я сейчас! А вы тут пока располагайтесь, почувствуйте себя как дома.

Конь пошел к себе в кабинет и, недолго думая, набрал «02».

— Говорит глава администрации. Срочно пришлите наряд ко мне домой. Залезли два голых вора. Я их пока задержу. Понял. Жду!

В зале незваные гости, не подозревающие о скорой беде, и Люба пили чай. Эдмунд Эрастович, чтобы на время притупить внимание «воров» вынес им свои старые вещи. Анатолий с Димой наконец-то оделись.

— Это что, костюм массовика-затейника в конце сезона? — резонно заметил Дима Молоткову, после осмотра его костюма.

— Кто бы говорил! Сам, небось, не с показа мод пришел.

После того, как чай был выпит, и дошло дело

до фотоальбомов, приехали полицейские.

На просьбу охранников правопорядка рассказать, как все было с самого начала, Зулейкин сказал:

— Вчера в 9.35 я проснулся. Этим действием я дал старт череде удивительных событий, которые продолжают свой ход и сейчас.

Люди в погонах, не обладавшие развитым чувством юмора, не стали выслушивать странные объяснения Димы и Анатолия. Они молча скрутили им руки и собрались отвезти в предсказуемом направлении.

— Где-то на Севере, я слышал, есть поселок Подлюкино. Вот туда бы тебя главой администрации, — сказал Зулейкин коварному Коню на прощание.

Зулейкина и Молоткова погрузили в машину с надписью «полиция».

— Жизнь — это приключение. Но насколько оно забавно, не всегда зависит от нас, — радостно проговорил Дима. В машине было теплее, чем на улице, и этот факт его ободрял.

— Судя по твоим высказываниям, ты упрощаешь этот мир. Я, к сожалению, этого себе позволить не могу, — серьезно сказал Толик.

— Это еще почему? — спросил Дима.

— Потому, что я понял, что сложный мир интереснее.

Сопровождающие их полицейские часто моргали глазами и в философской беседе не участвовали.

Бизнесмен попытался купить у полицейских свободу, но поскольку наличных у него с собой не было, а были только фразы, типа, «в ближайшем банкомате» и «дома в сейфе», которые мало подходили к его нынешнему одеянию, служители правопорядка в оборотней превращаться не пожелали. Более того, прямой удар в челюсть прервал дальнейшие щедрые посулы Молоткова и заставил его еще глубже осознать всю неприятность своего положения.

Эдмунд Эрастович и Люба, после того, как остались наедине, продолжили вечер неожиданных откровений. Ближе к утру глава администрации вдруг осознал, что хрупкая женщина, вооруженная керамической сковородкой и точными данными об измене, является непобедимой в ближнем бою.

Глава 5

В отделении милиции Молотков был впервые, но он каким-то внутренним чувством понял, что вот здесь-то уж точно лучше вести себя смирно и главное — помалкивать. Одет он был в старый сильно вытертый свитер, матросский бушлат и черные лоснящиеся брюки, которые лет эдак

тридцать назад наверняка участвовали в майских и ноябрьских социалистических шествиях. Скромная, мягко говоря, одежда и гнетущая обстановка участка подействовали на Анатолия удручающе. Он тупо смотрел на прошлогодний выцветший календарь, висящий на стене, и молчал.

Зулейкин же, напротив, живо перемещался по ограниченному пространству и выбрасывал из себя короткие фразы пока еще нейтрального содержания. В полиции он бывал и поэтому вел себя тут вполне естественно. Клетчатая рубашка, вельветовые брюки песочного цвета и черный свадебный пиджак настолько плохо подходили к острым своевольным чертам лица Димы и его богатому воображению, что было очевидно — одевался он не в порядке личных предпочтений, а ввиду непреодолимых обстоятельств.

После томительного ожидания бедолаг наконец-то завели в кабинет к дознавателю Халявину. Там Анатолия и Дмитрия ждал сюрприз. Халявин, несмотря на свои капитанские погоны, был готом. Кадровых офицеров хронически не хватало, и наверху закрыли глаза на такие вот духовные пристрастия служителя закона.

Задержанные с удивлением и испугом посмотрели на странного полицейского. Лицо его было белым, как первый снег, а глаза были

подведены черной тушью. Ногти так же были черные. На пальцах красовалось несколько серебряных перстней. Поверх формы был одет черный длинный плащ. Из небольшой колонки, стоящей на столе, звучал готик-рок в исполнении Мэрлина Мэнсона. На стенах висели изображения пентаграмм. Капитан стоял возле рабочего стола и загробным голосом вещал:

— Вызываю и выкликаю из могилы земной, из доски гробовой. От пелен савана, от гвоздей с крышки гроба. От цветов, что в гробу, от венка, что на лбу.

— Геннадий Александрович! К вам задержанные, — громко сказал конвоир.

Капитан, поморщившись, прервал свои оккультные занятия и вернулся к своим служебным обязанностям.

— Хорошо, Григорьев, оставляй их здесь. Сам — свободен.

Сержант ушел, мягко ступая неформенными ботинками.

Халявин приблизился к задержанным, присел на корточки и обвел их по полу мелом.

— Это еще зачем? Может вы нас еще сквозь огненный обруч прыгать заставите?! — испуганно спросил Зулейкин.

— Молчать! — крикнул капитан.

Он вернулся на место и сел за стол.